

В. К. Кюхельбеккер

Разговор с Ф. В. Булгариным
Sine ira et studio a {*} {1}
{* Без гнева и пристрастия {лат.}.}

В. К. Кюхельбеккер. Путешествие. Дневник. Статьи.
Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак.
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnb@lib.ru

Не знаю, кто первый у нас начал облекать полемику в остроумную одежду разговоров: Марлинский {2} ли, житель ли Васильевского острова, {3} друг ли его, житель Петербургской стороны, {4} Лужницкий ли старец {5} или другой, подобный им великий писатель, {6} делающий честь нашему веку; но только не Ф. В. Булгарин. Впрочем, издатель "Северного архива" и "Литературных листков" неоднократно весьма удачно пользовался сим важным открытием: разговоры господина Булгарина с Ванюшей, {7} испытания, которым он подвергает сего любезного отрока, и проч., и проч. остались и долго останутся в памяти всех просвещенных любителей российской словесности. Сравниться с ним не надеюсь, несмотря на излишнюю самонадеянность, в которой обвиняет меня господин Булгарин; повторяю (у нас любят повторения!) – сравниться с ним не надеюсь, хотя почтенный издатель "Литературных листков" и чистосердечно признается, что он с удовольствием бы подписал свое имя под каждою из трех Антикритик, помещенных нами в конце второй части "Мнемозины". Решаясь подражать г. Булгарину и его предшественникам, т. е. вступить с ним самим в небольшой дружеский, полемический разговор, от всей души жалею, что не могу отплатить ему за упомянутое чистосердечное его признание равносильным и столь же чистосердечным: с моею излишнею самонадеянностью {8} (странное противуречие!) сопряжена робость, иногда неодолимая; я бы боялся подписать свое имя под большую часть статей господина Булгарина! Но дело не о том: мы начнем свою беседу. Фадея Венедиктовича только попрошу повторить то, что он уже напечатал касательно второй части издаваемой князем Одоевским и мною "Мнемозины"; сам я осмелюсь, сколько умею, отвечать на его возражения.

Б. Начнем с вашей статьи "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие". Ваше требование, чтобы все наши поэты сделались лириками и воспевали славу народную, походит на желание Месмера намагнетизировать солнце, {9} чтобы в лучах оного разлить магнетизм по целой вселенной.

Я. Сравнение чрезвычайно умное и острое – но *comparaison n'est pas raison* {9}, {сравнение не доказательство (франц.).} Фадей Венедиктович! Где и когда требовал я, чтобы все наши поэты превратились в лириков? Не в добрый час вы на меня клеплете: знаю на Руси сотни две – если не три – поэтов; все они великие писатели (по крайней мере в своем кругу); все они делают честь нашему веку (по крайней мере сами в том твердо уверены). Фадей Венедиктович, что если все они вздумают быть Пиндарами? Куда прикажете деться?

Я только сетую, что элегия и послание совершенно согнали с русского Парнаса оду; в оде признаю высший род поэзии, нежели в элегии и послании, и доказываю свое мнение, а не толкую, как то вам угодно было сказать на 74 стр. 15 Ъ "Литерат. листков". Итак, поставляю себе обязанностию вам объявить, что мне никогда в голову не приходило предпочесть эпической или драматической поэзии – ни оду, ни вообще поэзию лирическую, к которой, впрочем, скажу мимоходом (ибо сие известие, кажется, не дошло еще до вашего сведения), {10} принадлежит и элегия, прибежит иногда даже послание. Благоговею перед английскою словесностью, вовсе не богатую одами. Знаю также, что гению все возможно: элегия Гетева "Euphrosyne" {11} исполнена высоких лирических красот и местами становится истинною одою. В замену иногда оды никак не отличишь от самого хладнокровного, трезвого послания: но для того, быть может, нужно, чтоб она была переведена с Горациева подлинника господином Бороздню. {*} {12}

{* Pindarum quisquis studet aemulari,
Iule, ceratis ope Daedalea